

Когда они пришли на стрельбище, Гао И свалил перед ними грудку оружейных деталей. Указав на эту гору железа, он произнес:

— Оружие выбираете сами, на стрельбу дается полчаса.

Сказав это, он уселся в стороне и закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями, не упомянув ни единым словом то, что произошло ранее.

Гу Сяоцзин украдкой бросил на Гао И еще пару взглядов. Воротник полевой формы инструктора был растянут, и на открытой полоске кожи пшеничного цвета блестел тонкий слой испарины. Понять, что творится в мыслях Гао И, было поистине сложнейшей задачей. Гу Сяоцзин подумал: неужели Гао И ходит с таким каменным лицом просто потому, что этого требует его особая должность?

Хм, весьма вероятно! Гу Сяоцзин про себя кивнул.

— Ты по моему лицу собрался оружие вычислять?

Гао И внезапно открыл глаза. Когда их взгляды встретились, в глазах инструктора мелькнуло что-то неуловимое. И хотя по его лицу по-прежнему ничего нельзя было прочесть, он действительно улыбнулся!

Гу Сяоцзин почувствовал, что этот мир стал чуточку нереальным.

— Прошу прощения, товарищ инструктор! — поспешно бросился он к горе деталей.

Детали вовсе не были свалены в одну кучу от тридцати разных стволов — их аккуратно разделили на небольшие горки, позволяя каждому выбрать то, что по душе. Гу Сяоцзин немного понаблюдав со стороны, как остальные собирают свое оружие, и только потом взял оставшуюся последней деталь и принялся самостоятельно учиться сборке. Однако чем дальше шла работа, тем подозрительнее выглядела штука у него в руках. Глядя на вырисовывающиеся очертания будущего ствола, Гу Сяоцзин почувствовал, как у него внутри все холодеет. Переборов себя и закончив сборку, он уставился на готовое изделие и захотел завывать от безысходности: кто-нибудь может объяснить ему, почему он собрал двадцатизарядный маузер (боксерский пистолет) с калибром 7,63 миллиметра и длиной ствола 97 миллиметров!

— Мать моя женщина! Гу Сяоцзин, как у тебя получилось собрать эту хрень! До чего же историческая вещичка! — невольно заметив этот пистолет, один из соседей по комнате завопил так, будто открыл новый материк.

Гу Сяоцзин скривил лицо, и его щека пару раз дернулась:

— И впрямь историческая...

— Ого! Товарищ Гу, поздравляю, сорвал джекпот! — неизвестно когда подошедший Чжан

Вэньян злорадно похлопал Гу Сяоцзина по плечу и утешил: — Ха-ха, неплохо-неплохо, на этот раз тебе достался маузер! А знаешь, какому-то бедолаге из прошлого набора досталась ханьянская винтовка!

Разве так утешают людей! Стоит ли радоваться тому, что на этот раз ему досталась не японская винтовка тип 38 и не ханьянская? И пусть в те времена маузер считался отличным оружием, положенным исключительно офицерам, теперь от него требовали поразить мишень дальше чем в ста метрах из маленького пистолета, чья прицельная дальность составляет едва ли пятьдесят метров...

Черт! Да насколько же он невезучий! Стрельба, которая раньше давалась Гу Сяоцзину по щелчку пальцев, теперь превратилась в головную боль. Глядя, как товарищи по команде чопорно и организованно выстроились на огневом рубеже, прицеливаясь по мишеням, Гу Сяоцзин вдруг прозрел. Как уже говорилось ранее, он угодил в ловушку стереотипного мышления: Гао И ведь не утверждал, что стрелять нужно исключительно стоя на месте! Ничто не мешает вести огонь в движении! Ха-ха! Чуть было не попался на удочку!

Разобравшись во всем, Гу Сяоцзин под самыми разными взглядами товарищей по команде уверенно вышел вперед. Резко рванув с места, он на ходу выпустил в мишень несколько пуль подряд.

Увидев эту сцену, Гао И сделал короткую пометку в блокноте с результатами Гу Сяоцзина, а затем поднялся и направился к курсантам:

— В час тридцать дня — штурм веревочной лестницы с крюком.

Хотя до половины второго оставался всего час и двадцать минут, быстро пообедав, они все же успеют немного отдохнуть и восстановить силы. Курсанты прекрасно понимали: всё, что они делали сегодня — лишь самая база, а завтра начнется настоящий адский тренинг. Сформированные по принципу общежитий новобранцы шумной толпой направились в столовую. Время было как раз обеденное, но людей в столовой оказалось немного. Поболтав с поваром, бойцы выяснили, что предшественники либо отправились на тренировку по выживанию в дикой природе, либо ушли на боевое задание. При упоминании заданий глаза у всех загорелись: неужели у них, как у резервистов, тоже появится шанс участвовать в реальных операциях? Впрочем, повар не проронил на этот счет ни полслова, да и сами они понимали: само существование этого боевого подразделения уже является государственной тайной.

Все оживленно перешептывались, делясь планами на будущее, и лишь Гу Сяоцзин сидел за столиком у окна, медленно пережевывая пищу и всем видом показывая, что он наслаждается трапезой.

Уплетая за обе щеки свиные ребрышки, он думал: здесь всё совсем по-другому! Кормят и селят бесплатно, ни копейки тратить не надо, да еще и ежемесячное жалованье платят! К тому же в этой глуши, куда ни доехать, ни пройти, при всем желании не найдешь, где потратить деньги. Выходит, когда он в будущем отсюда выпустится, у него на руках скопится огромная сумма!

Как раз в тот момент, когда он перебирал бесчисленное множество плюсов, мимо окна как раз прошагала ладная фигура Гао И. Инструктор слегка замедлил шаг, бросил на Гу Сяоцзина взгляд, попутно оценив содержимое его тарелки, и тут же сделал вывод: аппетит хороший, в еде не перебирает, на вид живучий. Когда он удалился, слишком увлекшийся едой Гу Сяоцзин по-прежнему ничего не заметил. И хотя вся сцена заняла меньше пяти секунд, Гао И мысленно поставил ему еще одну отметку: чутье ни к черту.

— Эй, кстати! Я тут вспомнил... Вы знаете, что будет сегодня после штурма с крюком? — набив желудок, Гу Сяоцзин вспомнил о деле. О требованиях спецвойск к физической форме солдат он знал немного, но очень надеялся, что сегодня сдаст все нормативы — он ведь действительно хотел здесь остаться.

— Ты разве не в курсе? — Ду Хэн явно удивился. По его мнению, это было общеизвестным фактом, однако насмехаться над Гу Сяоцзином он не стал, а вместо этого подробно всё объяснил: — Подъем и спуск по веревочной лестнице с крюком триста раз, преодоление тридцатиметровой полосы из колючей проволоки туда и обратно триста раз, полоса препятствий восемьсот метров не дольше чем за четыре минуты, метание гранат свыше ста раз, причем каждая должна улетать дальше семидесяти метров, а еще сто отжиманий за минуту.

— По идее, всё так и есть. Минимальные требования для новобранцев, — добавил круглолицый Хуан Сюань.

Сами они не испытывали по этому поводу никакого давления, а вот Гу Сяоцзин начал слегка тревожиться. Каждое упражнение по отдельности казалось вполне выполнимым, но согнать их все в одну кучу — это настоящее испытание на выносливость и силу.

Чтобы называться армией из стали, приходится проливать кровь и пот, которые обычному человеку и во сне не приснятся. Подумав об этом, Гу Сяоцзин проникся глубоким уважением к профессии военного. Он признавал: хотя в свое время он и поступил в военное училище, становиться военным в его планы никогда не входило. Даже когда он устроился работать тюремным надзирателем, то сделал это лишь ради казенного пайка и надежной железобетонной миски с рисом. Глядя на этих горячих парней, прибывших вместе с ним, Гу Сяоцзин почувствовал себя немного стыдно. По сравнению с ними его истинная цель появления здесь выглядела довольно сомнительно.

Подперев щеку правой рукой и скосив взгляд на Гао Чан, Гу Сяоцзин начал осознавать, что пришел сюда вовсе не ради того, чтобы вернуть ушедшую любовь или спасти разрушенную дружбу. Но зачем же тогда? Он растерялся, словно некая невидимая сила нарочно тянула его по определенному пути. И что же таится на этом пути, раз ради него стоило прожить жизнь заново? Или же сама судьба отчаянно пыталась что-то исправить или вернуть...

В часы расслабления время всегда летит быстро. Больше часа обеденного перерыва пролетело для Гу Сяоцзина в пустых раздумьях.

Погода в конце сентября в целом не казалась слишком жаркой, однако бурные физические нагрузки под палящим полуденным солнцем вряд ли доставляли удовольствие. Курсанты, разбившись по двое, стояли под окнами с длинными лестницами. Солнце светило аккуратно перпендикулярно стене, по которой им предстояло карабкаться — стоило ли восхищаться изощренным умом проектировщиков или похвалить товарища старшего инструктора за удачно выбранное время?

Ду Хэн и Гао Чан шли первыми, Гу Сяоцзин попал в четвертую группу, а его напарником оказался парень, пришедший по результатам бега с утяжелением предпоследним. Гу Сяоцзин терзался сомнениями: благодарить ли Гао И за то, что тот не поставил его в пару с какими-нибудь монстрами, избавив от позора отставания, или презреть за недооценку его сил?

Эх, Гу Сяоцзин вздохнул. Как ни крути, а в список кандидатов на вылет он, судя по всему, уже попал...

Когда подошла очередь их группы, Гу Сяоцзин отбросил все дурные мысли. Схватив лестницу, он стремительно подбежал к стене здания, ловко вскарабкался до окна второго этажа, надежно зафиксировался и закинул лестницу выше. Так, этаж за этажом, он добрался до самой крыши, а затем в том же порядке спустился вниз — и так все триста раз. Все то время, пока длился этот кошмар, в голове Гу Сяоцзиня билась лишь одна мысль: каким бы ни был план судьбы, всё, чего он хочет — это отыскать смысл и ценность собственного существования.

Само это существование — не более чем способ доказать, что ты — живая частица этого мира.

А чем можно доказать, что ты жив? Самое прямое тому доказательство — дыхание и боль!

Дыхание становилось всё более частым, а Гу Сяоцзин — всё возбужденнее. Его движения обретали невероятную гибкость и плавность, и к моменту, когда он закончил трехсотый подъем, у его напарника оставалось еще с десятков раз. Лицо Гу Сяоцзина озаряла довольная улыбка под лучами солнца. Улыбка выглядела донельзя радостной, но почему же в ней сквозило... Чжан Вэньян задумчиво нахмурился. Бросив на Гу Сяоцзина еще один взгляд, он с удивлением заметил, что этот палец о палец не ударивший новичок побежал прямо к Гао И.

Ого! Крайне увлеченный происходящим, Чжан Вэньян принялся наблюдать за изменениями на лице Гао И. Однако из-за расстояния разглядеть мелкие детали мимики не удавалось, хотя казалось, что эмоции на лице инструктора все же шевельнулись. Чжан Вэньян испытал легкий шок: что такого сказал этот парень, раз сумел раскатать эмоциональный фон самого Гао И!

Дождавшись, пока Гу Сяоцзин отойдет, Чжан Вэньян бесстыдно подкатил к инструктору:

— Слушай... Скажи-ка, о чем это товарищ Гу только что с тобой болтал? Неужели умолял сделать для него поблажку? Вообще-то он только что выступил отлично!

Гао И слегка опустил веки и окинул Чжан Вэньяна взглядом с ног до головы. От этого ледяного взгляда у Чжан Вэньяна по спине пробежали мурашки, а спустя несколько мгновений он

услышал:

— Держись от него подальше.

Чжан Вэньян почувствовал себя одновременно смешно и неловко. Да, мужчины ему нравились, но что толку ставить двух нулей вместе? Дпрочить друг другу? Хватит уже! Это же ни капли не удовлетворяет!

Больше не обращая внимания на Чжан Вэньяна, Гао И посмотрел на курсантов, продолжавших сражаться с веревочными лестницами, и впервые за день отвлекся от мыслей. Образ Гу Сяоцина упорно не желал исчезать из головы: разругавшиеся от нагрузок щеки и Гу Сяоцин, который с затаенным дыханием и заискивающим голосом тихонько спрашивал его:

— Инструктор, а вы знаете, что значит 4785?

— ... — 4785? Разве у этих четырех цифр есть какой-то особый смысл? Гао И перепробовал все известные ему дешифровальные методы, но так и не смог разгадать значение этих чисел.

— Ничего... Не буду мешать инструктору!

Уголки его губ изогнулись в идеальной улыбке, а одинокая капля пота скатилась по белой шее прямо под воротник. Разворачиваясь, он бросил на него прощальный взгляд, и те прекрасные, искрящиеся глаза вдруг разом потускнели. Та слабая нотка разочарования на дне его зрачков крепко вцепилась в сердце инструктора.

Маузер

Ханьянская винтовка

<http://bllate.org/book/24925/2949413>